

Введение

В данной статье мы рассмотрим учение о любви-агапэ в трудах Ю.Мольтманна. Мы исследовали любовь-агапэ не как естественное чувство, психологическую привязанность или фактор единства общества, но в качестве основной духовной ценности и духовной связи между человеческими личностями. Любовь-агапэ развивается изнутри: полнота приходит в момент ее осознания. Человек, осознав полноту бытия в данный момент, готов пожертвовать этой полнотой. Тайна агапэ состоит в том, что в человеке эта полнота не иссякает, не уменьшается, а сохраняется, и человек укрепляется в вере и любви к Богу как другу и ближнему.

Ю.Мольманн и любовь-агапэ

Юрген Мольтманн, теолог, профессор богословского факультета Тюбингенского университета, предлагает, что вместо того чтобы сосредоточиться на «Христе как пророке, священнике и царе, он (человек - О.В.) должен видеть его, прежде всего, как друга» (Мольтманн, 1973, с.67). Идея дружбы с Богом, с точки зрения Мольтманна, отражает кантианские темы любви и уважения. Он настаивает на том, что дружба должна сохранять открытость в отношениях с Богом. (Мольтманн, 1981).

С точки зрения метафизического теизма, мы должны исключить из понятия любви-агапэ, как любви Бога к миру любой элемент взаимности. Бог не может быть затронут объектами его любви. Они не могут ни причинить ему боль, ни увеличить его радость, которая и без них совершенна. Страдание, наряду со всеми чувствами, не может принадлежать Божественной любви, которую следует понимать скорее как чисто активную доброжелательность: волю и действие Бога во благо Его творения. Итак, Мольтманн исключает из божественной любви-агапэ

любую эмоциональность и уязвимость. Однако мы не можем отрицать наличие эмоций в богочеловеческой личности, поскольку не может существовать человека без эмоций. С точки зрения подхода Мольтмана, любовь Бога включает в себя «страсть», которая рассматривается двойственно: как страстная забота (Leidenschaft) и как страдание (Leiden) (Мольтманн, 1973).

Важность изучения греческих концептов любви наиболее очевидно в ситуации, когда Мольтманн представляет греческую концепцию неспособности Бога страдать как недостаток, а не проявление совершенства, как это было для греческих философов.

«Бог, который не может страдать, беднее любого человека. Бог, неспособный к страданию, – это существо, которое не может быть участливым. Страдания и несправедливость не влияют на него... Но тот, кто не может страдать, тоже не может любить. Таким образом, он также существо, не имеющее любви» (Мольтманн, 1973, с.222).

В связи с этим аргументом о природе любви необходимо сделать два важных замечания. Во-первых, говоря о божественной и человеческой любви, Мольтман использует метод аналогии. Очевидно, что Мольтман не просто говорит, что любовь Бога должна быть подобна человеческой любви во всех отношениях. Скорее он утверждает, что быть любимым и быть уязвимым для страданий важно для того, чтобы быть лучшим и наиболее ценным в человеческой любви.

Мольтман полагает, что страстность – это не недостаток человеческой любви, которая должна быть исключена из нашего представления о божественной любви, а скорее величие любви, без которой она не является узнаваемой любовью (Мольтманн, 1973, с.222).

Во-вторых, однако, не совсем точно рассматривать этот аргумент как аргумент аналогии природы человеческой любви и природы любви Бога. В этом случае можно было бы использовать другой вид

рассуждения. Мольтман использует данный аргумент в контексте обсуждения восстания протестного атеизма против метафизического теизма. Протестный атеизм означает не более чем отрицательную демонстрацию того, что Бог метафизического теизма не имеет ничего, что он мог бы предложить протестующему атеисту, который ценит свою человеческую способность любить, страдать и умирать (Мольтманн, 1973). Не этот аргумент, но крест на Голгофе показывает любовь Бога как страдающую любовь. Сказать, что Бог есть любовь, значит сослаться на крестные страдания (Мольтманн, 1973)

Таким образом, аргумент о природе любви действителен только при отсылке к крестным страданиям Богочеловека. Мольтман считает, что единственная концепция любви-агапэ Бога, которая может воздать должное кресту, – это страстная забота, которая страдает за тех, кого она любит, и ради них.

В своих «Моделях Бога» Салли МакФагусе использует три греческих слова «любви» (агапэ, эрос и филия), чтобы предложить тринитарную конфигурацию Бога как матери, любовника, друга, приравнивая тем самым дружбу с ролью, которую традиционно играет Святой Дух (МакФагусе, 1987). Данная конфигурация, на наш взгляд, не позволяет выявить сущность как любви-агапэ, так дружеской любви. С нашей точки зрения, дружеская любовь опирается на свободу в любви-агапэ, которая не должна носить всеобъемлющий характер, и зрелую ответственность. Мы не можем согласиться с идеей отождествления самоотверженной дружеской любви с покорными добродетелями у женщин. Дружба, как представляется, является способом реализации любви-агапэ через установление солидарности с реальными личностями, а не с условными социальными группами.

Заключение

Таким образом, любовь-агапэ объединяет в себе остальные формы любви. Любовь-агапэ, как верно отмечает Мольтман и митр.Антоний (Блум), носит характер кенозиса, т. е. самоотверженного страдания. Вне категории страдания невозможно рассмотрение любви-агапэ.

По мнению автора монографии, любовь – это не только действие, направленное на других, но и включение других в свою деятельность. В любви-агапэ важно участие других, при котором один и тот же субъект может оказывать воздействие и одновременно подвергаться воздействию. Уязвимость к страданию имеет для рассмотрения любви-агапэ важное значение.